

УДК 94(5)

История исследования искусства Тибета в России: от начала русской тибетологии до середины XX века

Курасов Сергей Владимирович

Профессор, доктор искусствоведения,
ректор Московской государственной
художественно-промышленной академии им. С.Г. Строганова,
125080, Россия, Москва, Волоколамское ш., 9;
e-mail: info@mghpu.ru

Аннотация

Данная статья представляет собой исследование истории исследования тибетского искусства в контексте истории тибетологии в целом. Выделяются три этапа исследований искусства Тибета с подробным описанием особенностей каждого из них.

Для цитирования в научных исследованиях

Курасов С.В. История исследования искусства Тибета в России: от начала русской тибетологии до середины XX века // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2014. – № 6. – С. 38-60.

Ключевые слова

Русская тибетология, Тибет, искусство, искусство Тибета, исследование искусства Тибета.

Введение

История исследования тибетского искусства неотделима от истории тибетологии в целом (особые виды изобразительного искусства Тибета описа-

ны в [Курасов, 2013]). Взаимосвязанность буддийской философии и тибетской иконографии, традиционность искусства северного буддизма привели к тому, что тибетологи исследуют вопросы искусства наряду с другими проблемами истории, философии, лингвистики Тибета. Вместе с тем существует ряд специальных искусствоведческих работ по тибетскому искусству, внёсших большой вклад в описание искусства Тибета как уникального культурного феномена.

Исследования и экспедиции до конца XIX в.

Начало русской тибетологии

Отечественная тибетология характеризовалась собственными факторами развития, которые были обусловлены исследованием и описанием народов России и сопредельных территорий, связанных с Тибетом культурой и религией. В результате первых экспедиций, направленных в начале XVIII века Петром I в Сибирь, российские исследователи привезли тибетские материалы, обогатившие созданную в Санкт-Петербурге российскую Академию наук. Выдвигая Г.Я. Кером (1692-1740), С.С. Уваровым (1786-1855), И.О. Потоцким (1761-1815) идея создания «Азиатской Академии» [Уваров, 1811, № 1, 27-52; Уваров, 1811, № 2, 94-116] послужила основанием к открытию в университетах России кафедр востоковедения и восточных языков и исследованию, в частности, истории буддизма.

Тибетские тексты, фрески и скульптуры, найденные в 1720-м году в разрушенном ойратском монастыре Аблайн-хит на реке Иртыш, стали предметом исследований академика Г.Ф. Миллера (1705-1783), переведшего одну страницу тибетской рукописи на латынь, а также воспроизведшего в своей книге буддийские изображения и чертежи монастыря [Müller, 1747]. Некоторые описания буддийского пантеона, иконографии буддийских божеств содержатся в описаниях путешествий П.С. Палласа (1741-1811) [Паллас, 1773-1788].

Начало научного изучения тибетской культуры в России связано с именем Я.И. Шмидта (1779-1847). Нужно отметить опубликованное Шмидтом исследование основных положений буддизма [Schmidt, 1832, 89-120, 221-262], а также перевод и публикацию сборника джатак «Дзан-лун» («Мудрый и глу-

пый») [Dzanglung oder der Weise..., 1843]. Труды Шмидта были продолжены А.А. Шифнером (1817-1879), который, в частности, подготовил к изданию тексты нескольких сутр канонической тибетской литературы [Schiefner, 1852, 65-78], а также исследовал отдельные сюжеты в буддийской литературе.

Нужно отметить исследования буддийской космологии на материалах северо-буддийских источников в работах основателя научного монголоведения О.М. Ковалевского (1800-1878) [Ковалевский, 1837, 167]. Его ученик А.М. Позднеев (1851-1920) опубликовал несколько книг, затрагивавших искусствоведческую тематику: «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу» [Позднеев, 1887], перевод и комментарии к «Сказанию о хождении в Тибетскую страну Мало-Дербетского Бааза-бакши» [Сказание о хождении..., 1897]; несмотря на компилятивность этих работ, они содержали массу ценного материала, описание не сохранившихся впоследствии памятников [Шастина, 2003; Бембеев, 2004].

Таким образом, к окончанию XIX века тибетологией были сделаны первые шаги: были предприняты первые экспедиции, начато исследование культуры Тибета как самобытного явления. Настоящий расцвет тибетологии в мире, выделение тибетского искусства как отдельной области научного исследования, произошёл в первой половине XX в.

Исследования по искусству Тибета конца XIX – первой половины XX в.: подходы к иконографии

В период конца XIX – начала XX века (1880-е – 1917 гг.) интерес к Тибету, возросший в мировой культуре, повлёк за собой и развитие интереса к тибетскому искусству. В этот период исследования включали описания памятников архитектуры, живописи, скульптуры наряду с историко-географической и этнографической характеристикой экзотического региона.

В этот период была организована Международная ассоциация по изучению Средней и Восточной Азии; основана издательская серия «Библиотека буддика», включавшая лучшие работы тибетологов всего мира, в том числе

каталоги искусства и описания памятников. Материалы по тибетскому искусству и культуре были существенно обогащены благодаря экспедициям П.П. Семёнова Тянь-Шанского, Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, Г.Н. Потанина, Г.Е. Грум-Гржимайло, В.А. Обручева, П.К. Козлова.

В описании путешествия по Тибету известного востоковеда Г.Ц. Цыбикова (1873-1930) [Цыбиков, 1991], одного из первых иноземных исследователей, тайно достигших Лхасы, охарактеризованы многие памятники материальной культуры. Самоотверженный путешественник посетил и описал важнейшие монастырские центры, сделал ряд уникальных фотографий.

Также успешным стало путешествие Б.Б. Барадийна (1878-1939), посетившего Лавран и оставившего подробное описание этого монастыря, быта его обитателей, а также буддийской философии, часть которого была опубликована в серии «Библиотека буддика» [Барадийн, 1924]. Так, Барадийн писал о религиозном значении искусства в Тибете: «Священные *изображения, книги и памятники (saiyu)* являются тремя основными предметами почитания, – символами трёх элементов бытия Будды, – *тела, слова и мысли*. На эти предметы буддист должен смотреть как на символы, как на вспомогательные предметы для вызывания в человеке религиозных эмоций и чувств» [там же, 3].

К работе по созданию серии «Библиотека буддика» были привлечены крупнейшие специалисты мира. Вдохновителем серии был выдающийся учёный-востоковед С.Ф. Ольденбург (1863-1934), с деятельностью которого связано выделение искусства буддизма в качестве отдельного объекта научных исследований, публикация одного из первых в мире каталогов тибетского изобразительного искусства.

Важнейшими задачами исследований тибетского изобразительного искусства стали идентификация изображений (как живописных, так и скульптурных), создание иконографии. Первым альбомом такого рода стал изданный Е. Пандером «Das Pantheon des Tshangtsha Hutuktu», (1890) [Пандер, 1918], где были представлены 190 изображений.

Немецкий учёный проф. А. Грюндевель осуществлял описание крупнейшего собрания буддийских изображений и ламаистских предметов культа, принадлежавших Э.Э. Ухтомскому, и перевод части книги Грюндевеля был

также издан в серии [Грюнведель, 1905]. Грюнведель был одним из первых исследователей происхождения художественных особенностей буддийского искусства, который выделил в нем два преимущественных влияния: персидской и античной культур.

Нужно отметить, что этот учёный первым отметил соотношение иконографических текстов и изображений, отметил характерную особенность искусства буддизма – соблюдение точности канона [Grunvedell, 1900, 104], то есть задал традицию исследования в русле иконометрии как средства определения канона пропорций и размеров изображения, о котором позже так писала К.М. Герасимова: «у каждого разряда пантеона – своя мера, свой набор обязательных признаков. Тип телосложения, форма лица, характерная поза глаз – все эти формальные признаки имеют знаковое значение, определяют функциональную и сущностную характеристику божества, указывают на его положение в системе пантеона» [Герасимова, 1973, 117].

В 1903 году С.Ф. Ольденбург опубликовал альбом буддийской иконографии, воспроизводящий тибетский ксилограф XVIII в., напечатанный по книге тибетского ламы Джанжа Ролби Доржи (1717-1786) «Древо собрания 300 изображений» [Сборник изображений..., 1903, 115]. Книга была снабжена тибетским алфавитным индексом и стала первым подобным изданием в России. Ольденбург предложил идентифицировать изображения посредством поиска аналога в альбоме; он одним из первых классифицировал буддийский пантеон на 12 групп. Этим альбомом широко пользовались как справочником во всем мире при определении коллекций буддийских изображений в буддийских музеях [Воробьева-Десятовская, Савицкий, 1972, 158].

Также исследователь впервые описал многие памятники буддийского искусства. С.Ф. Ольденбургом были изданы «Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото» (1914) [Ольденбург, 1914], в которых, в частности, автор отстаивает идею независимости тибетской живописи от китайской традиции в пользу близости к индийской: «Образа тибетского письма <...> резко отличаются от образов китайского письма и дают неопровержимое доказательство того <...> основного, решающего влияния, которое индийская живопись имела на древнетибетскую <...> Это сразу отграничивает тибетскую живопись от

китайской, так как индийская живопись по своим приёмам есть живопись западная – пластическая» [там же, 74].

Особенно богатый искусствоведческий материал был собран в ходе экспедиций под руководством Н.К. Рериха; он стал основой для написания труда Ю.Н. Рериха (1902-1960) «Тибетская живопись» [Roerich, 1925; Рерих, 2000], фундаментального исследования по иконографии тибетского буддизма. Отмеченные этим крупнейшим исследованием по искусству Тибета принципы, цели и проблемы исследования предмета актуальны и сегодня. Так, Ю.Н. Рерих пишет: «Хотя полная история буддийского искусства все ещё не написана, мы уже можем заявлять о единстве его эволюции. <...> творения, порождённые совместным напряжением эллинского гения и индийского духа, вызванные к жизни учением Будды, пронесли свою неповторимую оригинальность через века» [Рерих, 2000, 7].

Отмечая индо-непальское влияние, Ю. Рерих говорит и о развитии самостоятельных школ живописи в Тибете, а затем переходит к анализу изображений, классифицированных по типам изображённых героев: будды, бодхисаттвы и пр.

Надо отметить публикацию Е. Кларком двух буддийских пантеонов, найденных в Пекине А. Сталь-Гольдштейном [Clark, 1937]: первый том включает введение, библиографию, индексы божеств на санскрите, тибетском и китайском языках; второй – иллюстрации. Написанная на эту книгу Ю.Н. Рерихом в 1939 г. рецензия [Roerich, 1939, 343-346] заключала методологически важное предложение учёного: тексты дубтхаб (садхана), введённые в научный оборот Б. Бхаттачарьей, он предложил считать основным источником иконографии.

В рамках тибетологической работы Института востоковедения в Ленинграде (созданного в 1930 г. на базе Азиатского Музея, Коллегии востоковедов, Института буддийской культуры и Тюркологического кабинета) в довоенный период велись работы по грамматике тибетского языка (Ф.И. Щербатской, А.И. Востриков), исторической литературе, которая включает описания святынь Тибета (А.И. Востриков), готовился к изданию тибетско-русский словарь; исследовалась традиционная медицина Тибета (Б.В. Семичов), буддийские философские тексты (переводы и исследования Ф.И. Щербатского, Е.Е. Обер-

миллера, С.Ф. Ольденбурга). Однако блестяще начатая работа прервалась в эпоху репрессий: в 1937 г. «почти все темы по тибетологии были сняты» [Воробьева-Десятовская, Савицкий, 1972, 172], и в России «возрождения тибетологии так и не произошло до настоящего времени» [Воробьева-Десятовская, Зорин, www].

После возвращения Института из эвакуации Тибетский Кабинет как таковой перестал существовать. В 1950 г. произошла реорганизация Института востоковедения, когда большая часть сотрудников и библиотеки была переведена в Москву. После работы по описанию коллекции тибетских документов на дереве из района озера Лобнор В.С. Воробьевым-Десятовским (1928-1956) работу по обработке тибетских рукописей и ксилографов продолжили М.И. Воробьева-Десятовская и Е.И. Кычанов.

К этому времени коллекция безмерно возросла за счёт тибетских ксилографов, принятых из Института религии и атеизма АН СССР. Ту незначительную часть фонда, которую удалось разобрать и разложить, пришлось смешать с неразобранными рукописями в связи со срочным перемещением тибетского фонда в 1960 г. в тесное помещение, где всякая работа с рукописями на время стала невозможной. Эти две небольшие комнаты продолжает оставаться главным хранилищем тибетских рукописей вплоть до настоящего времени. Нужно отметить работу Asian Classics Input Project по составлению компьютерного каталога данных тибетских рукописей и ксилографов. В 2009 году работа по каталогизации фонда завершилась изданием электронного диска [Зорин, 2009], представляющего собой уникальный опыт презентации тибетского живописного наследия.

Первая половина XX века – период, когда в мировой и отечественной науке произошло значительное развитие в исследовании тибетского искусства. Публикации первых каталогов искусства Тибета, работы С.Ф. Ольденбурга и А. Грюнведеля означали выделение тибетского искусства как самостоятельного объекта искусствоведческого исследования. В то время как мировая тибетология укрепляла позиции, отечественная наука о Тибете в конце 1930-х годов понесла невосполнимые утраты, и новые работы по искусству Тибета, несмотря на богатство материала, появились на русском языке только в последние десятилетия XX века.

Исследования второй половины XX – начала XXI в.: методология и принципы

Вторая половина XX века для Тибета была ознаменована китайской экспансией, что стало невосполнимой потерей не только в социально-политическом плане, но и в отношении традиций тибетского искусства. Однако мировая тибетология набирала всё больше материала; существование тибетского правительства в изгнании приоткрыло духовные традиции Тибета миру, в том числе сделав более доступными материалы по различным видам искусств, технологии их выполнения и символизму.

Новые отечественные работы об искусстве буддизма стали вновь появляться с конца 1970-х годов. В это время были опубликованы важнейшие переводы и комментарии иконометрических источников; наиболее значимые из них рассмотрим.

Работы К.М. Герасимовой [Герасимова, 1973; Герасимова, 1995], в частности, монография «Памятники эстетической мысли Востока. Тибетский канон пропорций», вводят в научный оборот новые тексты и факты, раскрывают принципиально новое понимание иконометрического канона как применение философской категории системной меры к эстетическому моделированию иконографического образа. К.М. Герасимова убедительно доказала, что «с VII по XIII века шёл процесс накопления знаний, содержащихся в буддийских источниках из Индии, и только в XIV-XV веках начинает складываться собственно тибетская традиция» [Герасимова, 1971, 29].

Книга Л.Н. Гумилёва «Старобурятская живопись» [Гумилёв, 1975], хотя и посвящённая анализу памятников культуры, смежной с Тибетом, содержит некоторые интересные наблюдения. Так, автор проводит параллель между Тибетом и Византией как двумя важнейшими духовными центрами: «В отличие от западноевропейцев, мусульман и китайцев, распространявших свои принципы цивилизации силой оружия и заливавших кровью захватываемые ими земли, Византия и Тибет претендовали на господство только над душами и сердцами. Они высылали учителей, а не завоевателей. Именно поэтому приняли воинственные русы из рук бородатых монахов в чёрных рясах, а неукроти-

мые монголы от бритоголовых лам в жёлтых плащах грамотность, образованность и художественные вкусы» [там же, 3].

Также Л. Гумилёв, вслед за Ю. Рерихом, повторяет мысль о сходстве эстетических установок творцов икон: «Буддийская иконопись, подобно христианской, ограничена религиозно-эстетическим канонам, обуславливающим формы и атрибуты изображаемых божеств и святых, но также даёт возможность для проявления творческой индивидуальности художника внутри канона» [там же, 5], что говорит о плодотворности использования методологии исследования русской иконописи при рассмотрении буддийской живописи.

Во вводной статье, посвящённой буддийскому искусству в целом, Л.Н. Гумилёв весьма ярко и точно характеризует буддийское изобразительное искусство: «Ни одна из религиозных систем мира не имеет столь развитой иконографии, как буддизм. Количество и разнообразие изображений, подлежащих почитанию, в буддизме (ламаизме) кажется на первый взгляд беспредельным, но при пристальном изучении обнаруживается, что разнообразие заключено в строгую систему, а трактовка сюжетов подчинена не менее строгому канону. Однако остаётся место и для личного творчества, <...> Содержание и смысл буддийской иконы всегда вложены в образ отвлечённой идеи, воплощённой в линии и краски. Часто это милосердие или мудрость, не реже – гнев и ревность к вере, иногда воздаяние за грехи или устрашение, а также встречаются даже образы сторон света – севера, юга, востока и запада – или отдельных профессий, например медицины. Это скорее символические знаки, чем картины, но фигуры антропоморфны, и эстетический канон выдержан необычайно строго. Эти особенности, с одной стороны, затрудняют восприятие изучаемого нами искусства, так как для понимания картины знание сюжета обязательно, а с другой – раскрывают широкие горизонты восточной эстетики и этики, а также истории» [там же, 4].

Замечание Л.Н. Гумилёва констатирует принципиальные особенности буддийского искусства: оно, следуя философскому принципу объединения противоположных начал, особым образом объединяет дихотомически разорванные свойства: каноничность и личное творчество; символичность и антропоморфность. Соединение требований канона (философски-религиозно

мотивированной эстетической традиции) с личным творчеством, а иносказательности с правдоподобием позволяет говорить об искусстве, в частности Тибета, именно как об искусстве, а не механическом воспроизведении раз принятых канонов.

Работы Е.Д. Огневой [Огнева, 1973; Огнева, 1979; Огнева, 1983; Огнева, 2008], содержащие переводы и комментарии к тибетским текстам, стали весьма важным этапом в развитии теоретической базы исследований иконографии тибетского буддизма. Она делает немаловажное замечание о политическом аспекте исследования тибетского искусства: актуальность исследования, в частности, письменных источников с теоретическим обоснованием изобразительного материала в традиционной тибетской культуре «имеет прямое отношение к проблеме индо-тибетских культурных контактов в связи с борьбой против маоистских концепций об изначальной «китайской основе» тибетской культуры» [Огнева, 1979, 5]. Е.Д. Огнева также исследует принципы классификации иконографии тибетского буддизма, переводит иконометрический трактат средневекового автора Цзонхавы [там же, 32-40].

Необходимо также упомянуть весьма значимые исследования Э.В. Ганевской, связанные с северо-буддийской металлической скульптурой в коллекциях Государственного музея истории религии и атеизма, Государственного музея Востока [Ганевская, 1984; Ганевская, Карпова, 1992; Огнева, Ганевская, Дубровин, 2004; Ганевская, 2004]; работы А.Ф. Дубровина [Дубровин, 1989], Н.В. Дьяконовой [Дьяконова, 1961, т. 6, 257-272] и др. Публикации Н.Л. Жуковской о ламаизме с опорой на изобразительный материал содержат развёрнутые комментарии по главнейшим иносказательным образам живописи (мандала, лотос, ваджра и т.д.) [Жуковская, 1977].

Иконографическая работа ведётся и в нашей стране. «При издании тибетского изобразительного материала основным принципом служит соотношение текст – альбом – изображение, несмотря на всю его трудоёмкость» [Огнева, 1977, 14].

В 1970-1980-е годы в Ленинградском музее религии и атеизма была предложена новая система определения буддийских изображений, опубликованная А.А. Терентьевым в 1981 году в сборнике музея; в 2003 году она вы-

шла отдельным справочным пособием [Терентьев, 2003]. Хотя, как отмечает автор, «идея определять иконографические образы по последовательно упорядоченной совокупности признаков, как это делается, скажем, таксономами в ботанике или энтомологии, была очевидна» [там же, 3-4], ранее подобного определителя создано не было. В книге приведены таблицы иконографических элементов с их санскритскими, тибетскими, русскими и английскими названиями, предлагается стандарт описания буддийских изображений, на основе которого создан определитель с базой данных, включающей около 5000 образов и 7000 имён; однако в книге была опубликована только часть определителя, позволяющая идентифицировать 1052 образа или, наоборот, – узнать по имени, как выглядят примерно 1500 буддийских персонажей. В Приложении содержатся оригинальные тибетские иконографические материалы: 84 махасиддхи и впервые опубликованный пантеон Калачакра-тантры из 156 образов. Это один из наиболее значимых определителей со времени публикации двухтомной энциклопедии буддийских божеств Фредерика Бунса [Bunse, 1993].

С 1990-х годов в России возрастает число изданий, посвящённых коллекциям буддийской живописи и скульптуры, а также публикаций, связанных с проблемами определения изображений и особенностями национального стиля различных школ буддийского искусства (Ц.-Б.Б. Бадмажапов [Бадмажапов, Иконография..., 1995; Бадмажапов, Тибетские традиции..., 1995; Бадмажапов, 2003], С.Г. Батырева [Батырева, 2005], А.Л. Баркова [Баркова, 2000; Баркова, 2004], В.В. Деменова [Деменова, 2008; Деменова, Уроженко, 2010], Ю.И. Елихина [Елихина, 2006], А.В. Зорин [Зорин, 2009], Р.Н. Крапивина [Крапивина, 1981], И.Ф. Муриан [Муриан, 2001; Муриан, 2005], Т.В. Сергеева [Сергеева, 1998; Сергеева, 2002], В.Л. Успенский [Успенский, 1988; Uspensky, 2001] и др.).

Заключение

На первом этапе (конец XVIII – конец XIX в.), ознаменованном работами Г.Ф. Миллера, Я.И. Шмидта, А.М. Позднеева, Г.Ц. Цыбикова, Б.Б. Барадийна и других исследователей и путешественников, искусство Тибета входило в комплексный объект исследования российской тибетологии: исследователи

описывали памятники культуры наряду с этнографическими характеристиками, политико-историческими описаниями. Этот необходимый этап становления обогатил наши знания об искусстве Тибета массой дескриптивного материала; были охарактеризованы памятники, впоследствии не сохранившиеся, и предприняты первые попытки интерпретации буддийского искусства.

Второй этап в исследовании искусства Тибета (конец XIX – середина XX в.) был связан с выделением искусства буддизма в качестве отдельного объекта научных исследований. Труды и публикации С.Ф. Ольденбурга, А. Грюндевеля, Ю.Н. Рериха стали шагами на пути решения важнейшей задачи – публикации, описания и каталогизации предмета исследования, то есть иконометрии и иконографии тибетского искусства. Важное место заняли определители тибетской иконографии, созданные с целью идентификации изображений (как живописных, так и скульптурных). Собранные материалы позволяли исследователям задаваться вопросами эволюции и интерпретации тибетского искусства.

Последний этап исследований искусства Тибета начался в середине XX века. Он был ознаменован созданием масштабных и практически всеобъемлющих каталогов и указателей, определителей тибетского искусства (А.А. Терентьев, А.Ф. Зорин), переводов тибетских трактатов об искусстве и комментариев к ним (К.М. Герасимова, Е.Д. Огнева), открытием новых направлений исследования и углублением частных тем. Новым направлением в исследовании тибетского искусства стал выход к интерпретации изображений, скульптуры, архитектуры в контексте многовековой культуры буддизма в работах К.М. Герасимовой, Л.Н. Гумилева.

Библиография

1. Бадмажапов Ц.-Б.Б. Иконография и искусство тибетского буддизма // Тибетский буддизм. Теория и практика. – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 197-206.
2. Бадмажапов Ц.-Б.Б. Скульптура тибето-монгольской ваджраяны XVII – нач. XX вв. // Буддизм в контексте истории, идеологии и культуры Центральной и Восточной Азии. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003.

3. Бадмажапов Ц.-Б.Б. Тибетские традиции в буддийской иконографии Бурятии // Тибетский буддизм. Теория и практика / под ред. Н.В. Абаева. – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 208-226.
4. Барадийн Б.Б. Статуя Майтрейи в Золотом храме в Лавране. – Л., 1924. – 116 с.
5. Баркова А.Л. Буддийская живопись в собрании Международного Центра Рерихов // Рерих Ю.Н. Тибетская живопись. – М., 2000.
6. Баркова А.Л. Мифологические универсалии в тибетской иконографии // Человек и природа в культурной традиции Востока. – М., 2004.
7. Батырева С.Г. Старокалмыцкое искусство XVII – начала XX в. – М.: Наука, 2005. – 176 с.
8. Бембеев Е.В. Лингвистическое описание памятника старокалмыцкой (ойратской) письменности: «Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского Бааза-багши»: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 142 с.
9. Воробьева-Десятовская М.И., Зорин А.В. Тибетология в ИВР РАН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tibetica.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=579&Itemid=99.
10. Воробьева-Десятовская М.И., Савицкий Л.С. Тибетоведение // Азиатский музей – ленинградское отделение института востоковедения АН СССР. – М.: Наука, 1972. – С 149-176.
11. Ганевская Э.В. К вопросу об интерпретации канонического образа в художественной традиции буддийских стран // Искусство Востока. Художественная форма и традиция. Сборник статей / отв. ред. И.Ф. Муриан. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 110-131.
12. Ганевская Э.В. Средневековая бронзовая буддийская скульптура индонепальского круга (VIII-XII вв.): дисс. ... канд. искусствоведения. – М., 1984. – 221 с.
13. Ганевская Э.В., Карпова Н.К. Искусство Индии. – М.: Сорек-Полиграфия, 1992. – 48 с.
14. Герасимова К.М. Памятники эстетической мысли Востока. Тибетский канон пропорций. – Улан-Удэ: БКИ, 1971. – 303 с.

15. Герасимова К.М. Тибетский канон пропорций // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. – М.: Наука, 1973.
16. Герасимова К.М. Читралакшана в тибетском и монгольском текстах Данчжура // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники. – Улан-Удэ: БЦ СО РАН, 1995.
17. Грюндевель А. Обзор собрания предметов ламаистического культа, ч. I. Тексты, ч. II. Рисунки. – СПб., 1905.
18. Гумилёв Л.Н. Старобурятская живопись. Исторические сюжеты в иконографии Агинского дацана [Изоматериал] Альбом. – М.: Искусство. 1975. – 156 с.
19. Деменова В.В. Репрезентация и Соккрытие Природы Истинного в буддийском искусстве// Уральское востоковедение: Международный альманах. Выпуск 3. – Екатеринбург: УрГУ, 2008 – С. 24-30.
20. Деменова В.В., Уроженко О.А. Пространство смыслов буддийской металлической скульптуры. Монография. – Екатеринбург: Урал. университет, 2010. – 144 с.
21. Дубровин А.Ф. Буддийская металлическая скульптура Тибета: (Атрибуция и датировка по материалам химико-технологических исследований): Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1989. – 20 с.
22. Дьяконова Н.В. Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода // Труды государственного Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока. – Л.: Издательство государственного Эрмитажа, 1961. – Т. 6. – С. 257-272.
23. Елихина Ю.И. Культ бодхисаттвы Авалокитешвары и его земных воплощений в истории тибетской государственности VII-XIX вв.: Автореферат дисс. ... канд. истор. наук. – СПб., 2006. – 20 с.
24. Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. – М., 1977. – 200 с.
25. Зорин А.В. (сост.) Каталог буддийских икон танка и цакли: Живописные изображения буддийских учителей и божеств. – СПб., 2009. – 1 CD.
26. Ковалевский О.М. Буддийская космология. – Казань: Университетская Типография, 1837. – 167 с.
27. Крапивина Р.Н. К интерпретации двух изображений сиддхов // Использование буддийских культовых коллекций. – Л., 1981.

28. Курасов С.В. Преходящее как жанр: особые виды изобразительного искусства Тибета // Культура и цивилизация. – 2013. – № 5-6. – С. 19-27.
29. Муриан И.Ф. Искусство Непала. Древность и средневековье. – М.: Восточная литература, 2001. – 119 с.
30. Муриан И.Ф. Китайская раннебуддийская скульптура IV-VIII вв. в общем пространстве «классической» скульптуры античного типа. – М.: КомКнига, 2005. – 200 с.
31. Огнева Е.Д. Боги снежных гор: музеи Украины: сакральное искусство в традиции тибетского буддизма. – Одесса: Астропринт, 2008. – 208 с.
32. Огнева Е.Д. Жанры в тибетском искусстве // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии. – М., 1983. – Ч. 2. – С. 87-97.
33. Огнева Е.Д. Структура тибетской иконы (на примере цокшина Цзонхавы) // Проблемы канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. – М., 1973. – С. 103-112.
34. Огнева Е.Д. Тибетский средневековый трактат по теории изобразительного искусства: дисс. ... канд. истор. наук. – М., 1979. – 349 с.
35. Огнева Е.Д., Ганевская Э.В., Дубровин А.Ф. (сост.) Пять семей Будды (металлическая скульптура северного буддизма IX – XIX вв. из собрания ГМИНВ). – М., 2004. – 362 с.
36. Ольденбург С.Ф. Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото (Образа тибетского письма). – СПб.: Товарищество Голике и Вильборг, 1914. – 80 с.
37. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи: В 3 т. – СПб., 1773-1788.
38. Пандер Е. Пантеон Джанджа Хутухты. – Харбин, 1918.
39. Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1887.
40. Рерих Ю.Н. Тибетская живопись. – Самара: Агни, 2000. – 144 с.
41. Сборник изображений 300 бурханов по альбому Азиатского музея имп. АН. С примечаниями, ч. I. Рисунки и указатели. – СПб, 1903. – 115 с.
42. Сергеева Т.В. Иллюстрации к трактату «Голубой берилл» // Атлас тибетской медицины. – М.: АСТ, 1998. – С. 44-53.

43. Сергеева Т.В. Священные образы Тибета: традиционная живопись Тибета в собрании Государственного музея Востока. – Самара, 2002. – 246 с.
44. Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-Дербетского Бааза-бакши: Калмыцкий текст с переводом и примечаниями, составленными А.М. Позднеевым. – СПб., 1897.
45. Терентьев А. Определитель буддийских изображений. – СПб.: Нартанг, 2003. – 304 с.
46. Уваров С.С. Мысли о заведении в России Академии Азиатской // Вестник Европы. – 1811. – № 1. – С. 27-52.
47. Уваров С.С. Мысли о заведении в России Академии Азиатской // Вестник Европы. – 1811. – № 2. – С. 94-116.
48. Успенский В.Л. Буддийский канон // Книга Монголии. – М.: Книга, 1988. – С. 191-200.
49. Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. – Наука, 1991. – 254 с.
50. Шастина А.М. А.М. Позднеев // Mongolika-VI. – СПб., 2003. – С. 7-18.
51. Bunce F.W. An Encyclopaedia of Buddhist Deities, Demigods, Codlings, Saints & Demons: In 2 v. – New Delhi, 1993.
52. Clark E. Two Lamaistic Pantheons: In 2 v. – Harvard, 1937.
53. Dzanglung oder der Weise und der Thor, th. I-II, St.-Pbg. – Lpz, 1843.
54. Grunvedell A. Mythologie du Buddisme an Tibet et en Mongolie. – Leipzig, 1900.
55. Müller G.F. De scripttis tanguticis in Sibiria repertis commentatio. – Comment. Acad., t. X, 1747.
56. Roerich G. Tibetan Paintings. – Paris: P. Geuthner, 1925. – 175 p.
57. Roerich G. Two Lamaist Pantheons by E.Clark // The Vishva-Bharati Quarterly. – 1939. – Vol. 4, part 4. – Pp. 343-346.
58. Schiefner A. Das buddihistische Sutra der zwei und vierzig Sätze // Bull. hist.-phil. – 1852. – T. IX. – Стлб. 65-78.
59. Schmidt I.J. Über einige Grundlehren des Buddhismus. // Mem. – 1832. – VI ser., t. 1. – S. 89-120, 221-262.
60. Uspensky V.L. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. – Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 2001. – XV, 530, 186 p.

The history of studying Tibetan art in Russia: from the origins of Russian tibetology to the middle of the 20th century

Sergei V. Kurasov

Doctor of History of Arts, professor,
head of Moscow State Stroganov Academy of Industrial and Applied Arts,
125080, 9 Volokolamskoe highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: info@mghpu.ru

Abstract

The article deals with the history of studying Tibetan art in Russia in the context of the history of tibetology. The author divides studies on Tibetan art into three stages. During the first stage (the end of the 18th century – the end of the 19th century) Tibetan art was part of the complex object of research on Russian tibetology. Researchers described cultural artefacts as well as ethnographic characteristics. This stage increased knowledge of Tibetan art because the artefacts that were later lost were described and scientists made the first attempts to interpret Buddhist art. The second stage (the end of the 19th century – the middle of the 20th century) was connected with considering Buddhist art to be the object of scientific research. This stage saw the description and cataloguing of the object of research, i.e. the iconometry and iconography of Tibetan art. Researchers used collected materials in order to solve problems related to the evolution and interpretation of Tibetan art. The last stage of studying Tibetan art began in the middle of the 20th century. Comprehensive catalogues and directories were created, Tibetan treatises on art and comments on them were translated. Interpretation of pictures, sculptures, architecture was made in the context of the Buddhist culture.

For citation

Kurasov, S.V. (2014) *Istoriya issledovaniya iskusstva Tibeta v Rossii: ot nachala russkoi tibetologii do serediny XX veka* [The history of studying Tibetan art in Russia: from the origins of Russian tibetology to the middle of the 20th century]. *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 6, pp. 38-60 (In Russian).

Keywords

Russian tibetology, Tibet, art, Tibetan art, studies on Tibetan art.

References

1. Badmazhapov, Ts.-B.B. (1995) Ikonografiya i iskusstvo tubetskogo buddizma [The iconography and art of Tibetan Buddhism]. In: *Tibetskii buddizm. Teoriya i praktika* [Tibetan Buddhism. Theory and practice]. Novosibirsk: Nauka, pp. 197-206.
2. Badmazhapov, Ts.-B.B. (2003) Skul'ptura tibeto-mongol'skoi vadzhrayany XVII – nach. XX vv. [The sculpture of the Tibetan-Mongolian Vajrayana, the 17th – the beginning of the 20th centuries]. In: *Buddizm v kontekste istorii, ideologii i kul'tury Tsentral'noi i Vostochnoi Azii* [Buddhism in the context of the history, ideology and culture of Central and East Asia]. Ulan-Ude: BNTS SO RAN.
3. Badmazhapov, Ts.-B.B. (1995) Tibetskie traditsii v buddiiskoi ikonografii Buryatii [Tibetan traditions in the Buddhist iconography of Buryatia]. In: Abaev, N.V. (ed.) *Tibetskii buddizm. Teoriya i praktika* [Tibetan Buddhism. Theory and practice]. Novosibirsk: Nauka, pp. 208-226.
4. Baradiin, B.B. (1924) *Statuya Maitreii v Zolotom khrame v Lavrane* [The statue of Maitreya in the Golden Temple in Laurana]. Leningrad.
5. Barkova, A.L. (2000) Buddiiskaya zhivopis' v sobranii Mezhdunarodnogo Tsentra Rerikhov [Buddhist painting in the collection of the International Centre of the Roerichs]. In: Rerikh, Yu.N. *Tibetskaya zhivopis'* [Tibetan painting]. Moscow.
6. Barkova, A.L. (2004) Mifologicheskie universalii v tibetskoii ikonografii [Mythological universals in Tibetan iconography]. In: *Chelovek i priroda v kul'turnoi traditsii Vostoka* [Man and nature in the cultural tradition of the Orient]. Moscow.
7. Batyreva, S.G. (2005) *Starokalmytskoe iskusstvo XVII – nachala XX v.* [Old Kalmyk art of the 17th – the beginning of the 20th centuries]. Moscow: Nauka.
8. Bembeev, E.V. (2004) *Lingvisticheskoe opisanie pamyatnika starokalmytskoi (oiratskoi) pis'mennosti: "Skazanie o khozhdenii v Tibetskuyu stranu Maloderbetovskogo Baaza-bagshi"* [The linguistic description of the written Old Kalmyk (Oirat) record: "A story about Baaz-bagshi Maloderbetovskii's walking to the Tibetan land"]. Dissertation.

9. Bunce, F.W. (1993) *An Encyclopaedia of Buddhist Deities, Demigods, Codlings, Saints & Demons*. New Delhi.
10. Clark, E. (1937) *Two Lamaistic Pantheons*. Harvard.
11. Demenova, V.V. (2008) Rerezentatsiya i Sokrytie Prirody Istinnogo v buddiiskom iskusstve [Representation and Concealment of the Nature of the True in Buddhist art]. In: *Ural'skoe vostokovedenie. Vypusk 3 [Ural oriental studies. Edition 3]*. Ekaterinburg: UrGU, pp. 24-30.
12. Demenova, V.V., Urozhenko, O.A. (2010) *Prostranstvo smyslov buddiiskoi metallicheskoj skul'ptury [The space of meanings of the metal Buddhist sculpture]*. Ekaterinburg: Ural. universitet.
13. Dubrovin, A.F. (1989) *Buddiiskaya metallicheskaya skul'ptura Tibeta: Atributsiya i datirovka po materialam khimiko-tekhnologicheskikh issledovanii [The metal Buddhist sculpture in Tibet: Ascription and dating according to the materials of chemical-technological research]*. Dissertation abstract.
14. *Dzanglung oder der Weise und der Thor, th. I-II* (1843). St.-Pbg. – Lpz.
15. D'yakonova, N.V. (1961) Materialy po kul'tovoi ikonografii Tsentral'noi Azii domusul'manskogo perioda [Materials on the cult iconography of Central Asia during the pre-Islamic period]. In: *Trudy gosudarstvennogo Ermitazha. Kul'tura i iskusstvo narodov Vostoka [Works of the state Ermitage. The culture and art of oriental peoples]*. Vol. 6. Leningrad: Izdatel'stvo gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 257-272.
16. Elikhina, Yu.I. (2006) *Kul't bodkhisattvy Avalokiteshvary i ego zemnykh voploshchenii v istorii tibetskoi gosudarstvennoi VII-XIX vv. [The cult of Avalokiteshvara Bodhisattva and his earthly incarnations in the history of the Tibetan statehood in the 7th-19th centuries]*. Dissertation abstract.
17. Ganevskaya, E.V. (2004) *K voprosu ob interpretatsii kanonicheskogo obraza v khudozhestvennoi traditsii buddiiskikh stran [On the interpretation of the canonical image in the artistic tradition of Buddhist countries]*. In: Murian, I.F. (ed.) *Iskusstvo Vostoka. Khudozhestvennaya forma i traditsiya. Sbornik statei [Oriental art. Artistic form and tradition. Collected articles]*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, pp. 110-131.
18. Ganevskaya, E.V. (1984) *Srednevekovaya bronzovaya buddiiskaya skul'ptura indo-nepal'skogo kruga (VIII-XII vv.) [The medieval bronze Buddhist sculpture of the Indo-Nepal circle (the 8th-12th centuries)]*. Dissertation.

19. Ganevskaya, E.V., Karpova, N.K. (1992) *Iskusstvo Indii [Indian art]*. Moscow: Sorek-Poligrafiya.
20. Gerasimova, K.M. (1995) Chitralakshana v tibetskom i mongol'skom tekstakh Danchzhura [Chitralakshana in the Tibetan and Mongolian texts of the Danchzhur]. In: *Srednevekovaya kul'tura Tsentral'noi Azii: pisimennye istochniki [The medieval culture of Central Asia: written sources]*. Ulan-Ude: BTS SO RAN.
21. Gerasimova, K.M. (1971) *Pamyatniki esteticheskoi mysli Vostoka. Tibetskii kanon proporsii [The artefacts of the aesthetic thought of the Orient. The Tibetan canon of proportions]*. Ulan-Ude: BKI.
22. Gerasimova, K.M. (1973) Tibetskii kanon proporsii [The Tibetan canon of proportions]. In: *Problema kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki [The problem of the canon in the ancient and medieval art of Asia and Africa]*. Moscow: Nauka.
23. Grunvedell, A. (1900) *Mythologie du Bouddisme an Tibet et en Mongolie*. Leipzig.
24. Grunvedell, A. (1905) *Obzor sobraniya predmetov lamaisticheskogo kul'ta [A survey of the collection of objects which belong to the lamaistic cult]*. St. Petersburg.
25. Gumilyov, L.N. (1975) *Staroburyatskaya zhivopis'. Istoricheskie syzhety v ikonografii Aginskogo datsana [Old Buryat painting. Historical plots in the iconography of Aginsky datsan]*. Moscow: Iskusstvo.
26. Kovalevskii, O.M. (1837) *Buddiiskaya kosmologiya [Buddhist cosmology]*. Kazan: Universitetskaya Tipografiya.
27. Krapivina, R.N. (1981) K interpretatsii dvukh izobrazhenii siddkhov [About the interpretation of two pictures of siddhas]. In: *Ispol'zovanie buddiiskikh kul'tovykh kolleksii [The use of Buddhist cult collections]*. Leningrad.
28. Kurasov, S.V. (2013) Prekhodyashchee kak zhanr: osobyie vidy izobrazitel'nogo iskusstva Tibeta [The perishable as a genre: special types of Tibetan fine arts]. *Kul'tura i tsvilizatsiya [Culture and Civilization]*, 5-6, pp. 19-27.
29. Müller, G.F. (1747) *De scripttis tanguticis in Sibiria repertis commentatio*. Comment. Acad., t. X.
30. Murian, I.F. (2001) *Iskusstvo Nepala. Drevnost' i srednevekov'e [The art of Nepal. Antiquity and the Middle Ages]*. Moscow: Vostochnaya literatura.

31. Murian, I.F. (2005) *Kitaiskaya rannebuddiiskaya skul'ptura IV-VIII vv. V obshchem prostranstve "klassicheskoi" skul'ptury antichnogo tipa* [The early Chinese Buddhist sculpture of the 4th-8th centuries in the general space of the "classical" sculpture of an antique type]. Moscow: KomKniga.
32. Ogneva, E.D. (2008) *Bogi snezhnykh gor: muzei Ukrainy: sakral'noe iskusstvo v traditsii tibetskogo buddizma* [Gods of snowy mountains: the museums of Ukraine: sacral art in the tradition of Tibetan Buddhism]. Odessa: Astroprint.
33. Ogneva, E.D. (1973) *Struktura tibetskoi ikony (na primere tsokshina Tszonkhavy)* [The structure of a Tibetan icon (as exemplified by the tsokshin Tszonkhava)]. In: *Problemy kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki* [The problems of the canon in the ancient and medieval art of Asia and Africa]. Moscow, pp. 103-112.
34. Ogneva, E.D. (1979) *Tibetskii srednevekovi traktat po teorii izobrazitel'nogo iskusstva* [A medieval Tibetan treatise on the theory of pictorial art]. Dissertation.
35. Ogneva, E.D. (1983) *Zhanry v tibetskom iskusstve* [Genres in Tibetan art]. In: *Iskusstvo i kul'tura Mongolii i Tsentral'noi Azii. Chast' 2* [The art and culture of Mongolia and Central Asia. Part 2]. Moscow, pp. 87-97.
36. Ogneva, E.D., Ganevskaya, E.V., Dubrovin, A.F. (comp.) (2004) *Pyat' semei Buddy (metallicheseskaya skul'ptura severnogo buddizma IX-XIX vv. iz sobraniya GMINV)* [The Five Buddha Families (a metal sculpture of the Northern Buddhism of the 9th-19th centuries from the collection of the State Museum of Oriental Art)]. Moscow.
37. Ol'denburg, S.F. (1914) *Materialy po buddiiskoi ikonografii Khara-Khoto (Obrazza tibetskogo pis'ma)* [Materials on Khara-Khoto Buddhist iconography (Tibetan painting)]. St. Petersburg: Tovarishchestvo Golike i Vil'borg.
38. Pallas, P.S. (1773-1788) *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskoi imperii* [Travelling through different provinces of the Russian Empire]. In 3 vols. St. Petersburg.
39. Pander, E. (1918) *Panteon Dzhandzha Khutukhty* [The pantheon Dzhandzha Khutukhty]. Harbin.
40. Pozdneev, A.M. (1887) *Ocherki byta buddiiskikh monastyrei i buddiiskogo dukhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniyami sego poslednego k narodu* [Studies

- ies on the life in Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia in the connection of this latter with people*]. St. Petersburg: Tip. Imp. akad. nauk.
41. Rerikh, Yu.N. (2000) *Tibetskaya zhivopis'* [*Tibetan painting*]. Samara: Agni.
 42. Roerich, G. (1925) *Tibetan Paintings*. Paris: P. Geuthner.
 43. Roerich, G. (1939) Two Lamaist Pantheons by E. Clark. *The Vishva-Bharati Quarterly*, 4 (4), pp. 343-346.
 44. *Sbornik izobrazhenii 300 burkhanov po al'bomu Aziatskogo muzeya imp. AN. Sprmechaniyami, ch. I. Risunki i ukazateli* [*Collected pictures of 300 burkhans, based on the materials of the album of the Asiatic Museum of the Imperial Academy of Sciences. With comments, part I. Drawings and indices*] (1903). St. Petersburg.
 45. Schiefner, A. (1852) Das buddhistische Sutra der zwei und vierzig Sätze. In: *Bull. hist.-phil.* T IX. S. 65-78.
 46. Schmidt, I.J. (1832) Über einige Grundlehren des Buddhismus. In: *Mem.* VI ser., t. 1.
 47. Sergeeva, T.V. (1998) Illyustratsii k traktatu "Goluboi berill" [Pictures from the treatise "Blue beryl"]. In: *Atlas tibetskoi meditsiny* [*The atlas of Tibetan medicine*]. Moscow: AST, pp. 44-53.
 48. Sergeeva, T.V. (2002) *Svyashchennye obrazy Tibeta: traditsionnaya zhivopis' Tibeta v sobranii Gosudarstvennogo muzeya Vostoka* [*Sacred images of Tibet: traditional Tibetan painting in the collection of the State Museum of Oriental Art*]. Samara.
 49. Shastina, A.M. (2003) A.M. Pozdneev. In: *Mongolika-VI*. St. Petersburg, pp. 7-18.
 50. *Skazanie o khozhdenii v v Tibetskuyu stranu Malo-Derbetskogo Baaza-bakshi: Kalmytskii tekst s perevodom i primechaniyami, sostavlennymi A.M. Pozdneevym* [*A story about Baaz-bakshi Malo-Derbetskii's walking to the Tibetan land: A Kalmyk text with a translation and comments made by A.M. Pozdneev*] [] (1897). St. Petersburg.
 51. Terent'ev, A. (2003) *Opredelitel' buddiiskikh izobrazhenii* [*The identifier of Buddhist images*]. St. Petersburg: Nartang.
 52. Tsybikov, G.Ts. (1991) *Buddist-palomnik u svyatyn' Tibeta* [*A Buddhist pilgrim near the sacred places of Tibet*]. Nauka.

53. Uspenskii, V.L. (1988) Buddiiskii kanon [Buddhist canon]. In: *Kniga Mongolii* [The book of Mongolia]. Moscow: Kniga, pp. 191-200.
54. Uspensky, V.L. (2001) *Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library*. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa.
55. Uvarov, S.S. (1811) Mysli o zavedenii v Rossii Akademii Aziatskoi [Thoughts about establishing the Asiatic Academy in Russia]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1, pp. 27-52.
56. Uvarov, S.S. (1811) Mysli o zavedenii v Rossii Akademii Aziatskoi [Thoughts about establishing the Asiatic Academy in Russia]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 2, pp. 94-116.
57. Vorob'yova-Desyatovskaya, M.I., Savitskii, L.S. (1972) Tibetovedenie [Tibetology]. In: *Aziatskii muzei – leningradskoe otdelenie instituta vostokovedeniya AN SSR* [The Asiatic Museum – Leningrad department of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the SSR]. Moscow: Nauka, pp. 149-176.
58. Vorob'yova-Desyatovskaya, M.I., Zorin, A.V. *Tibetologiya v IVR RAN* [Tibetology in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences]. [Online] Tibetica. Available from: http://tibetica.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=579&Itemid=99 [Accessed 08/04/14].
59. Zhukovskaya, N.L. (1977) *Lamaizm i rannie formy religii* [Lamaism and early forms of religion]. Moscow.
60. Zorin, A.V. (comp.) (2009) *Katalog buddiiskikh ikon tanka I tsakli: Zhivopisnye izobrazheniya buddiiskikh uchitelei i bozhestv* [The catalogue of the Buddhist icons called tanka and tsakli: Pictures of Buddhist teachers and deities]. St. Petersburg.